

УДК 130.2

**ДИАЛОГ С БИБЛИЕЙ В ЖИВОПИСИ И МУЗЫКЕ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО МОДЕРНИЗМА****А.К. ДАНЧЕНКО***(Белорусский государственный университет, Минск)*

На примере творчества У. Льюиса и Б. Бриттена исследуется культурологическая проблематика диалога с Библией в живописи и музыке англо-американского модернизма. Обосновывается идея, что в живописи Льюиса диалог с Библией осуществляется через сюжеты о творении мира, о трех мироносицах, через образ Бога-Творца и мифологему Земли Обетованной; его образы и сюжеты тесно связаны со смещением фокуса в системе культурных ценностей с Запада к Востоку, от монотеизма к политеизму. Написанные на библейские сюжеты о потопе, о трех отроках в печи огненной и о блудном сыне оперные произведения Бриттена раскрывают диалог с Библией через характерные традиции средневековой литургии. Оставаясь центральной темой в творчестве модернистов, библейские сюжеты объединяют вокруг себя аллюзии различных культур, в том числе восточных.

Введение. Диалог человека с Библией ярко проявляется в переломные эпохальные периоды, когда основные ценности культуры подвергаются переоценке, вырабатываются отличающиеся от прошлого принципы художественной культуры и векторы её дальнейшего развития. Именно таким является период зарождения и расцвета культуры модернизма. Понять её основные интенции позволяет диалог художника с Библией в западноевропейской культуре, сохраняющий актуальность и для современников. Среди крупных ученых, занимающихся библейской проблематикой на постсоветском пространстве, отметим С.С. Аверинцева; в Беларуси – Г.В. Синило. В живописи и музыке англо-американского модернизма диалог с Библией до сих пор не рассматривался как предмет самостоятельного исследования, что подтверждает новизну идеи. В то же время диалог культур выступает определяющим фактором при обозначении феноменологических и временных рамок художественной культуры англо-американского модернизма. К такому выводу мы пришли, исследуя творчество наиболее ярких представителей англо-американского модернизма [1].

Цель данного исследования – выявить специфику состоявшегося диалога с Библией представителей англо-американского модернизма в живописи (У. Льюиса) и музыке (Б. Бриттена).

Основная часть. Художник У. Льюис, прежде всего, известен как создатель и представитель модернистского течения вортицизма (“vortex” – вихрь). Однако стилистический, жанровый и тематический диапазон его работ шире. Наиболее волнующими были реализованные в его раннем творчестве идеи обновления, созидания, а также связанные с ними и одновременно противоположные темы разрушения, гибели, общезначимые во время и после Первой мировой войны. Эти две основные тематические линии порождают целый ряд подтем и мотивов, касающихся фундаментальных проблем бытия, а потому неизбежно вовлекают работы Льюиса в диалог с авторитетными текстами западноевропейской культуры, среди которых, конечно, Библия.

Творческий диалог с Библией, на наш взгляд, наиболее выразителен в следующих работах Льюиса: «Миф о Творении» (“Creation Myth”, 1927, карандаш, гуашь, газета, бумага – работа выполнена в технике коллажа); «Три фигуры под покрывалом» (“Three Veiled Figures”, 1933, масло, холст); «Миф о Творении» (“Creation Myth”, 1933–1936, масло, холст); «Пейзаж с норманнами» (“Landscape with Northmen”, 1936, масло, холст); «Иегова-Громовержец» (“Jehova the Thunderer”, 1941, тушь и акварель, бумага); другие.

Несмотря на то, что в конце 20-х годов Льюис выступал против абстракции, он до конца не порвал связь с ней, многие его работы тяготеют к абстрактным формам. При этом они уникальным образом сохраняют связь с реальностью, что относится и к вышеназванным картинам. Изначально их условно можно разделить на две группы. В первой – те, в которых диалог с Библией возникает в паратексте произведения, в самом названии: две работы «Миф о Творении» и «Иегова-Громовержец». Во второй – картины, в которых диалог с Библией осуществляется непосредственно через образный язык художественного текста произведения, минуя паратекст: «Три фигуры под покрывалом», «Пейзаж с норманнами» и другие.

Рассмотрим *первую группу*. Самая ранняя из работ создана в 1927 году. Диалог с Библией заявлен в названии «Миф о Творении». Творение здесь направляет весь ход мысли созерцателя картины. Для культур западноевропейского типа наиболее понятным и распространенным сюжетом о творении мира является библейский. На наш взгляд, Льюис отражает его через композицию и ритм. Шесть уровней коллажа в композиции соотносятся с шестью днями творения в Библии, создают своеобразный горизонтальный ритм произведения, подчеркивая статичность общей композиции. Седьмой же уровень – Седьмой день творения, или Божественное отдохновение, – должен передавать статическую завершенность,

однако, напротив, вносит в композицию динамику. Ритмическую наполненность библейского сюжета Льюис передает как бы в обратном порядке. По Льюису, миф о творении напрямую связан с неприемлемым для Библии архетипом космогонического брака, что выражают человеческие фигуры на синем фоне. Техника создания произведения отражает его фрагментарность, разорванность и хаотичность, что не соотносится с созидательным посылом названия. Все составляющие мироздания, последовательно сотворенные в Библии, а также представленные в языческих мифах, перемешаны, разбросаны в беспорядке: земля вздымается над небом, растительный мир повисает во тьме, антропоморфная фигура находится на одном уровне с небесным светилом. Мир символично распадается на части, для которых в целом характерны мрачные напряженные тона.

Одноименная картина Льюиса более позднего периода также начинается с библейского семантического ряда, заявленного в названии произведения, однако вслед за этим в тексте произведения звучат небиблейские или же добиблейские языческие мотивы, которые можно идентифицировать как аллюзии на египетскую мифологию, скандинавские и зороастрийские представления о начале и конце времен. При этом, как представляется, преобладает значимость эсхатологических сюжетов о конце света. Таким образом, творение мира в обеих картинах Льюиса осуществляется как бы наоборот – это деконструкция, возврат к началу, к первозданному хаосу.

Акварель «*Иегова-громовержец*» – последняя из рассматриваемой нами группы, по смысловому содержанию гармонично вписывается в один ряд с предыдущими произведениями Льюиса. Само название акварели выступает прозрачной аллюзией на Библию, соединяя библейский текст с язычеством, образуя характерную для модернистов интертекстуальную последовательность и диалогичность. Имя Иегова отсылает к библейскому Единственному Богу; именование Его громовержцем не оставляет сомнений, что автор проводит здесь параллель с языческими добиблейскими культурами, в которых присутствовал этот культ.

Самая ранняя картина *второй группы* – «*Три фигуры под покрывалом*». Её семантическое пространство наполняют образы, одновременно отсылающие к западноевропейской христианской культуре и к древним культурам Ближнего Востока; к библейскому и языческому, к современности и древности. Здесь силуэты напоминают монахинь или женщин в восточных одеждах, чаша символизирует Тайную вечерю, дорическая колонна – античность. Три фигуры, будто восточные глиняные сосуды, представлены тремя мироносцами. Картина отсылает к библейскому сюжету, изложенному Марком (*Мк 16:1–2*). У Льюиса мироносицы движутся справа налево, от христианского Запада к Востоку; библейская культура «три мироносицы» осмысливается в качестве связующего звена; фиксируется смена в установках западноевропейской культуры XX века, обращение внимания на Восток.

Следующая картина – «*Пейзаж с норманнами*». Её библейский текст раскрывается через образное переосмысление мифологемы Земли Обетованной. Полагаем, что художник избрал сюжет о завоевании Земли Обетованной крестоносцами неспроста. Норманны стали для него собирательным образом, символом вортекса; этой идее Льюис оставался верен на протяжении всего своего творческого пути, несмотря на отказ от первоначальной эстетики и стилистики вортицизма. Вортекс – это вихрь творческого вдохновения, дух жизни и развития, обновления культуры и искусства. Можно предположить, что на «Пейзаже с норманнами» рыцари символизируют вортекс как обновляющее начало, а мифологема Земли Обетованной выступает как ось, вокруг которой закручивается обновляющий и творящий вихрь. Ось – необходимое Европе духовное основание.

Итак, мы видим, что библейские тексты в произведениях Льюиса раскрывают движение мысли художника с Запада к Востоку, от библейского монотеизма к политеизму, акцентируют внимание на проблеме взаимодействия с духовным началом.

В представленной творчеством Б. Бриттена музыке англо-американского модернизма диалог с Библией также имеет свою специфику. На наш взгляд, он ярко выражен в ряде оперных произведений: «Ноев ковчег» (“*Noye’s Fludde*”, 1958); «Пещное действо» (“*The Burning Fiery Furnace*”, 1966); «Блудный сын» (“*The Prodigal Son*”, 1968). Хотя даты их создания достаточно далеки от периода зарождения основных модернистских течений в художественной культуре, специфические черты указывают на принадлежность к модернизму. К таковым относим инновационные тенденции: цитатность; отсылку к предшествующим культурным эпохам и музыкальным традициям; заключающийся в использовании нестандартных музыкальных элементов эклектизм; ориентацию на синкретизм с другими видами искусства; многоуровневость порождаемых произведением смыслов, которая позволяет удовлетворять вкусы самых разных слушателей.

Опера «Ноев ковчег» – одноактное музыкальное произведение, предназначенное для исполнения в церкви. В его основе средневековый текст из цикла Честерских мистерий. Сюжет о потопе избран композитором неслучайно: мир потерпел катастрофу во времена библейского Ноя и символически терпит подобную катастрофу в XX веке, забывая о духовности в войнах, социальных и экономических потрясениях. Пережить катастрофу можно следуя голосу Бога, возрождая в себе духовное начало. Не отступая от классического библейского сюжета, композитор переосмысливает его. Библейский сюжет повествует,

что Бог решил истребить несправедное человечество, помиловав только Ноя и его семью. После спасения Ной принес Господу жертву. Господь, видя духовное устремление Ноя, принимает решение больше не повторять потоп, ибо ошибки человека – «зло от юности его» (*Быт 8:21*). Комментировал этот фрагмент Д.В. Щедровицкий: «Человек еще очень юн на земле; человечество юно, оно еще не приобрело истинной мудрости; именно поэтому “помышление сердца человеческого – зло”; человек не утвердился в Законе Божьем, не стал “мужем мудрым”; он все еще буйствует, как невоспитанный, необузданный, не знающий цели и смысла жизни ребенок» [3, с. 111].

Бриттен грешное человечество не уподобляет детям, корень зла и ошибок видит не в юности. В самом деле, XX век – это не начало времен человечества, которое давно должно бы войти в пору зрелости. Однако, невзирая на тысячелетний опыт, человечество отменяет мудрость предыдущих эпох и погрязает в пороках, войнах и бездуховности. Ответственность за это композитор возлагает именно на взрослую, а не на юную часть человечества, то есть на Ноя и его жену. Их партии написаны для профессионального исполнения, все остальные исполняют дети разных возрастов. Для раскрытия смысла произведения важны детали. Так, интересна сцена постройки ковчега с детским оркестром, где звучат трели, пиццикато, открытые струны и постукивания восточных тэмпл-блоков (корейских колоколов). Тэмпл-блок – инструмент и атрибут буддийского культа, представляется, звучит в этом эпизоде с определённой целью. Ковчег – это целый мир, он включает ценности разных культур, в том числе и восточной. Ковчег как символ духовной работы подразумевает, по мнению Бриттена, обращение к мудрости и культуре Востока. Восточные мотивы играют значимую роль в творчестве композитора [4].

Успех «Ноева ковчега» вдохновил композитора на создание особого жанра оперного искусства – притчи для исполнения в церкви. В целом оперы-притчи Бриттена имеют следующие общие черты: одноактность; условность пространства и времени, подчеркнутую композиционно; принадлежность литературных корней к библейским текстам, драматических – к средневековой литургической драме и японскому «театру Но»; иносказательность; определённую дидактичность; обрамлённую композицию постановки, своеобразный оперный палимпсест; использование музыкальных традиций различных эпох и культур: средневековой и барочной западноевропейской, японской, неоклассической [5]. Перечисленные особенности позволяют рассматривать музыкальные произведения Бриттена как диалог с Библией в контексте англо-американского модернизма.

«Пещное действо» – первая опера-притча на библейский сюжет о трех отроках в огненной печи (*Дан 1–3*). Еврейские юноши Седрах, Мисах и Авденаго служили при царском дворе во времена Вавилонского плена, послушались приказа Навуходоносора, отказавшись поклоняться золотому идолу, за что были ввергнуты в огненную печь. Но они сохранили свою веру, которая спасла их. Опера начинается – хор монахов поёт григорианский гимн; затем аббат повествует о том, что будет происходить на сцене; завершается постановка процессией-хором монахов*.

Как и во всех операх Бриттена в «Пещном действе» важны детали. Костюмы каждого из действующих лиц силуэтом напоминают сутану священнослужителей, что наряду с переодеванием на сцене подчеркивает условность происходящего. Особый интерес представляет сцена явления ангела в печи. Ангел поет дискантом, эхом повторяя фразы из песни отроков, его хрупкая фигура застыла в позе, напоминающей готическую скульптуру, белоснежные одежды подчеркивают чистоту и святость. Ангел с отроками находится посредине сцены на деревянном круге красного цвета. В этом центре разворачиваются важнейшие события. Круговое убранство сцены наводит на мысль о замкнутости времени, о его цикличности, об архетипе-символе мирового яйца, известного в разных культурах.

В «Пещном действе» мы выделяем несколько наложенных друг на друга культурных текстов при диалоге с Библией. Первый – *христианский средневековый* – период, когда вера и религия как духовное начало стояли на первом месте, а Библия выступала метатекстом целой эпохи. Он представлен в музыке хором монахов, исполняющих средневековые церковные напевы, а также кроем сценической одежды как контекстом культуры Средневековья. Второй – собственно *библейский текст* – сюжет о трех отроках Книги Даниила. Третий – *современный религиозный* – библейская история, раскрытая средневековыми монахами под церковными сводами в наши дни как пример для верующих. Четвертый текст можно обозначить как *современный общекультурный* – притча с замкнутой кольцевой композицией, с постановкой на сцене, символизирующей мировое яйцо. В центре мира, в его основе лежит чудо нерушимой веры, которая служит примером силы духа и жизни во все времена.

В опере-притче Бриттена «Блудный сын» библейский сюжет преломляется сквозь призму двух культурных текстов – средневекового и XVII века. Средневековье утверждало библейскую истину; европейская культура XVII века с эстетикой барокко наделила сюжет особым драматизмом, близким по силе катастрофам XX века, а самое главное – живой человечностью приближая его к современному зрителю.

* Премьера состоялась в Орфордской церкви, графство Саффолк, Англия, 1966 г. Постановка была снята для телевидения там же в 1967 г. Режиссер – Б. Бриттен, оркестр – English Opera Group.

В постановке прослеживается диалог западной и восточной культур через использование заимствованных из «театра Но» приемов, формирующегося в модернизме синтеза восточной и европейской театральных традиций. Состоящая из нескольких кругов сцена, в центре которой происходит главное, вновь соотносится с символом мирового яйца, обозначает диалог с древними политеистическими культурами. Специфика диалога с библейскими текстами в операх-притчах Бриттена, на наш взгляд, состоит в преемственности, которую можно рассматривать в нескольких аспектах: сюжетном; жанровом; метатекстуальном (Библия раскрывает основной смысл, а авторский модернистский контекст помогает глубже понять произведение).

Заключение. В англо-американском модернизме библейская тематика приобрела новое звучание как своеобразный диалог культур. В живописи У. Льюиса Библия предстает точкой обратного отсчета в движении от современности к древности; возможно, символизирует распад современной цивилизации и возврат к истокам, к сознанию и культуре добиблейского типа. Библейский текст раскрывается в этом диалоге через взгляд на языческий мир Ближнего Востока; он имеет «код», позволяющий понять смысл произведения вне времени и культурных пространств. В творчестве Б. Бриттена диалог с Библией идёт через средневековую литургическую музыку, через интертекст на уровне сюжета и сценических образов оперных певцов, где даже одежда создает библейский контекст. Диалог с Библией в произведениях Бриттена и Льюиса – это поворот к Востоку, который констатирует важность духовного начала перед лицом кризиса культурных ценностей XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данченко, А.К. Проблема определения англо-американского модернизма: феноменологические границы и специфика / А.К. Данченко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Е. Педагогические науки. – 2014. – № 7. – С. 132–135.
2. Lewis, W. Wyndham Lewis the artist / From 'Blast' to Burlington house / W. Lewis. – N.Y.: ArdentMedia, 1971. – 380 p.
3. Щедровицкий, Д.В. Введение в Ветхий Завет. Книга Бытия / Д.В. Щедровицкий. – М.: Оклик, 2008. – 336 с.
4. Cooke, M. Britten and the Far East: Asian Influences in the Music of Benjamin Britten / M. Cooke. – Woodbridge: theBoydellPress, 1998. – 279 p.
5. Левина, Е.Д. Притча в музыкальном театре Бенджамин Бриттена: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Е.Д. Левина. – М., 1996. – 19 с.

Поступила 25.05.2015

THE DIALOGUE WITH THE BIBLE IN ART AND MUSIC OF ANGLO-AMERICAN MODERNISM

A. DANCHENKO

This article is devoted to the dialogue with the Bible in art and music of Anglo-American modernism on the examples of W. Lewis and B. Britten's works. In Lewis's art the dialogue with the Bible is realized by the plot of world's creation, the plot of women who brought anointments to Christ's tomb, the image of God-Creator and the mythologeme of the promised land. All this is closely related to the shift of cultural focal point from West to East and from monotheism to polytheism. Britten's operas are made on the plots of flood, three boys in the burning furnace and the prodigal son. The dialogue with the Bible is also manifested through the elements of medieval liturgy. Being the center of the operas, the biblical plots integrate around themselves allusions on different cultures including allusions on the East in wide meaning.